

18+ Валерий Вычуб

Александр II и корова Ксюша

Книга четвертая

Валерий Вычуб

**Александр II и королева
Ксюша. Книга четвертая**

«Издательские решения»

Вычуб В.

Александр II и корова Ксюша. Книга четвертая / В. Вычуб —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832528-1

Императорский поезд ехал из Ялты в Москву со страшной скоростью. Два паровоза лучше, чем один паровоз, мудро заключил царь, скорость будет в два раза больше. Гудели рельсы, разобьешься, дурак. Покачивались вагоны, свалится — не свалится, свалится — не свалится. Не свалились, кому суждено быть повешенным, гудел паровоз. Разве? Разве? Разве? Постукивали шпалы. Его вроде хотели из револьвера? Скоро уездный город N, место, где разбиваются сердца, место, где погибнет великий русский царь-реформатор. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832528-1

© Вычуб В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Железная дорога	6
Глава 2. Жестокие будни войны	9
Глава 3. Пленницы гарема	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр II и корова Ксюша

Книга четвертая

Валерий Вычуб

*Любовь и сифилис будут править миром.
Мы с Ульяновым. И Ницше с Шикльгрубером.*

© Валерий Вычуб, 2016

ISBN 978-5-4483-2528-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С двух сторон мы подожжем гнилой Запад. И гнилой Запад скажет нам, спасибо. Хорошо горим! Скажет гнилой Запад. Нам это нравится. Скажет Запад.

И придут арабы. Подольют керосинчика. И придут китайцы. Поцокают, ничего не скажут.

А мы будем лежать в гробнице. Загадочные и вечно живые.

Надо будет сходить к проститутке.

И дядя Гриша на просторах России вел революционную пропаганду с коровой Рыжухой.

И Игорь Викторович, обдумывая прожитое, устремлялся на кухню. Там кухарка взяла новую девчонку на обучение. Надо проверить и, если можно, обучить.

Бегут рельсы, укладываются шпалы, рубят деревья. Загудел за лесом, вот-вот появится.

Ах, нет, это бык Анатолий Леонович.

Александр в Зимнем дворце работает над документами.

Стонут славяне, им захотелось и они стонут. Стонут в Болгарии, стонут в Сербии, еще где-то стонут. Турецкие янычары насилуют славянских девушек. Им это нравится.

Словом, идет обычная, будничная работа истории. И надо совершить что-то историческое.

Освобожу-ка я их. Думает Александр.

Освободи Саша, ох, освободи! Катя не только любовница, Катя верная подруга и единомышленница.

Державы будут против, Ваше Величество. Бухтит опять этот Горчаков. Министры против, Дизраэли бряцает оружием. Но России хочется, даже нигилистам хочется, даже Нечаеву захотелось. Уже десятый раз в туалет бегают, писать.

И если серьезно, вообще, когда тебя насилуют, это серьезно.

— Представляете деточки, они малых младенцев на кол сажают. Лиза пьет чай в столовой особняка Неубей-Семишкурных. Неубей опять собирается на войну. Хорошо, что у меня девочки, думает Лиза.

Прилив патриотизма у леших, русалок и водяных. Собирают материальную помощь тамошним караконджулам и вештицам. Стригой усиливают партизанскую войну против башибузуков.

Мы с вами, кипит страстями Акулина Порфирьевна. Будь помоложе, пошла бы, говорит, на войну. Война не за горами. Ксюша тоже вся в патриотизме, кому бы отдаться, думает. Отдам дань патриотизму, желательно, чтоб молоденький был.

Один Игорь Викторович индифферентен. Балканы далеко, до Балкан не доедешь, а пока доедешь, война кончится. Девчонка на кухне не дает кончить, а вообще опытная. И откуда столько знает, вот что значит военная реформа.

Глава 1. Железная дорога

Железная дорога, о необходимости которой так беспокоился Игорь Викторович Арсеньев, пошла да пошла не туда. Рельсы все время заворачивали в сторону уездного города, где Арсеньева в гимназии мучили. Лес упорно не сдавался и не пускал в себя железного зверя. Денежки за проданный лес Игорю Викторовичу пришлось вернуть. Он пытался протестовать, кричал в суде, что лес-то продан, а то, что вырубить его не могут, то это не его, Арсеньева дело. Пуше надо рубить, активнее. Купец Калачиков еле дело выиграл. И все же выиграл, и все же наш Игорек остался без денежки. Не пойти ему к уездной гетере, не вкусить любви покупной и квалифицированной. Оставайся со своей Ксюшкой.

У Тани все обошлось. Беременность оказалась ложной. Плохой из тебя кот, Игорь Викторович. А Ксюша рада, их чистой любви с Танюшей ничего не угрожает. Милые мелочи провинциальной жизни.

Лето не кончается. В Сербии гремит война, сербы зовут нас, приходите, повоюйте за нас, братушки. Зверские башибузуки из слаборазвитой Албании насилуют и насилуют, скоро ни одной девушки в стране не останется.

А в деревне у Арсеньева девушка на девушке и все смотрят на Игоря Викторовича, что ж не изнасилуешь? Или боишься? Арсеньев стал последнее время бояться. Годы еще те, самые активные годы, насиловать бы, кажется, и насиловать. Но Ксюха свирепеет. Мало ей Таньки, ей дай и гетеросексуала, ненасытная, одно слово, утопленница.

Бежать, бежать, бежать. Но убежать так, чтобы не поймали, в такое место убежать, где бы тебя и любили и жалели. Остались ли такие места на земле?

Философ ты, Арсеньев, посмеивался сам над собой Игорь Викторович. Иногда все-таки удавалось, не с Марфушей, так хоть с Тоськой, новой девчонкой из кухонных. Сколько тайн в тебе, любовь. Скажем тайна, почему Ксюшка, несмотря на все свои достоинства, уже утрачивает товарный вид. Ночные мечты.

А поутру молнией ударило известие, юный Prince Korovinski сбежал на войну. Уехал якобы учебники покупать на новый учебный год в гимназии. Сел в проезжающий эшелон с добровольцами и укатил. Лет себе прибавил, наврал, что положено.

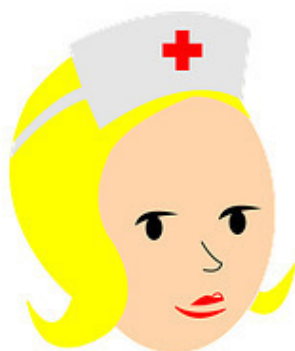
Живио!!! Да здравствует Сербия. Слава героям. И мне тоже слава. Насовершаю подвигов, скучно не будет. Это вам не горничным под подол лазить, это настоящая мужская работа.

Догнать эшелон, высадить бы паршивца, да выпороть, но время упущено. Пока ждали Prince Korovinski из города, прошел не один день. А он уже в Одессе, а он уже плывет по Дунаю. И скоро вступит в бой.

Черняеву не хватает только Prince Korovinski, чтобы одержать окончательную победу над Керим-пашой.

У Ксюши нервные припадки, хоть не родной, но все же, все же. А что сказать об Игоре Викторовиче, коза вспомнила ли ты своего козленочка, как ты его молочком поила?! И вот его зарежет злой турецкий янычар. И вот не будет твоего козленочка!!! Кормящая мама, отец молодец третьей степени, Игорь Викторович Арсеньев страдал как всякий нормальный человек. Даже на горничных не смотрел.

Догнать и вернуть невозможно. А там, где невозможно, следует обратиться к Акулине Порфирьевне.

– Ах, сестры Красного креста, вы нужны на фронте. Вас ждут солдаты, офицеры тоже ждут, особенно молоденьких и вы едете и едете. Там как раз сыпной тиф, скучно вам не будет. Я, как замужняя дама, не имею возможности участвовать в святом деле. Мой Неубей воюет сейчас где-то, мы, девочки, должны его поддерживать, сидя дома. Вы согласны девочки?

Девочки, вы меня слышите? Где вы, девочки?

Няня Степанида, куда ушли мои девочки?!

– Они Елизавета Петровна уехали на вокзал, записку вот вам оставили.

– Не может быть?! Девочки мои!!! Крошки мои!!! Козочки мои!!! Турецкий козел вас съест. Уехали сестрами милосердия на войну.

Государь император собрался на войну. Государь император простился со своей Катей. Обнял Георгия и Оленьку. Дал напутствие всем домашним. Если меня убьют, считайте меня героем.

Наш то, наш то, святой человек, если б не Катка так совсем бы, светился бы. Слава богу, уедет. С ним последнее время стало невозможно.

Народ, наоборот, восхищался, народ ждал от царя чего-нибудь такого эдакого, чего-нибудь крутого ждал.

Наш то, во молодец, во патриот. Хорошо мы его тогда не убили, убить еще всегда успеем, пусть пока подвиги совершает.

Россия разъехалась по Балканам, никого дома не осталось. С таким преимуществом не победить турок было просто невозможно. Но не хватало, остро не хватало Игоря Викторовича Арсеньева.

Наша нечистая сила самая прогрессивная, рассуждала Акулина Порфирьевна, сидя на завалинке. Леший рядом не подходил, набирался ума разума, выглядывая из кустов. Тот самый леший, которому Велес Семарглович обещал повышение. Научил, как дороге лес обойти. Надо, сказал, использовать искривление пространства-времени, частный случай эйнштейновской теории поля. Её пока не придумали, но мы то, лешие, её давно в хозяйстве используем. Всякие пакости людям делаем. Тут можно и всю железную дорогу искривить и на правильный путь направить. Прямо в уездный город. Там только спасибо скажут.

И правда, сказали, хотя не подумали, что это леший сделал, решили, кто-то взятку дал. Взятка у нас, в России, и есть самый главный леший.

Велес Семарглович своему слову хозяин, хочу-дам, хочу-обратно возьму. Не пришелся ему наш леший, выгнал он его, уходи к своей Акулине. У нас штаты уже заполнены.

Сидит леший, Акулину слушает.

Глава 2. Жестокие будни войны

Турки знай себе, зверствуют. Малых детей на куски рубят. Юных девушек бесчестят и губят. Нехороший народ. Отсталый и неразвитый. Но армия у них хорошая. Prince Korovinski уже побывал в бою. Понюхал, так сказать, пороха.

Черняев принял юного воина со всем гостеприимством, оказалось, что Сашина гувернантка m-lle Annette дальняя родня мамочки отважного генерала.

Тоже французенка, вздыхал генерал, ничего не поделаешь. Пошлю тебя Сашура прямо в пекло, если не убьют, станешь настоящим воином. Хотя вряд ли, турки сейчас наострились, не просто убьют, еще и голову отрежут. Ты, главное, не робей, пулям не кланяйся, знай отмахивайся шашкой и беги вперед. Назад не вздумай. Не посмотри, что почти родственники. Под трибунал и расстрел.

Ночью тоже было страшно. Горы трупов в селах и городах Сербии приманивали с гор пришлых трансильванских упырей. Говорят, появлялся даже сам король упырей граф Дракула.

Наш козлик трясся под походной шинелью. Вот подойдут, и схватят, и слопают. И я еще ни одного подвига не успел совершить. Ах, Гарпина, Гапочка, зря я с тобой так.

Что-то у нас козлом пахнет, принюхивались соседи нашего воина. Откуда бы это, господа? Откуда козел?

Запах козла отпугивал нечистую силу, не от вампира погибнуть было отважному воину.

Выстрелы, страшный вой, головорезы Сулейман паши, Керим паши и Осман паши пошли в бой. И все на меня, ужасался Саша. Первый бой, он трудный самый. Не робей, подбадривал его командир, это будет и твой последний бой. Нас всех перебьют, погибнем со славой. Стрелял Саша плохо, но успел убить одного турка, толстого и с усами. Не даром погибну, отмахивался саблём от следующего турка.

– Слюшай дарагой. Я к тебе с добром. Пойдешь ко мне в гарем, я очень нежный, слюшай. – исходил слюной развратный турок.

Не будет тебе этого, решил Саша и отрубил турку голову. Как просто, изумился. И тут же сцепился со следующим турком, тот был традиционной ориентации и рубился всерьез. Бой кипел, но патроны уже кончались и русских всех перебили.

– Взять живьем, с визгом устремлялись к нашему герою янычары.

Отрубят головы, уши и нос отрубят, что же от меня останется?! С возмущением Саша бросился к обрыву. Не будет вам этого, Арсеньевы не сдаются.

Где ты, Саша, вычитал такое? Папа тебе такого не рассказывал. Prince Korovinski прыгнул с обрыва. И о чудо, в полете, наш козлик опять обрел свой прежний облик. Уже не козленочек, молодой козел пролетел через пропасть и зацепился рогами за противоположный склон.

– Шайтан!!! Урус шайтан!!! В ужасе закричали враги.

– Бэээ бэзумству храбрых поем мы песню. Ухожу в партизаны. Проблеял, убегая Александр.

– Не приставайте ко мне, поручик. Я приехала воевать, а не разводить любезности со всякими нахалами. И вовсе я не Оля, а Таня. Оля сейчас вашему коллеге, ротмистру Чучелову ногу пилит. Да, пилой. Да, без наркоза. Наркоз еще не для всех. Пирогова на вас нет, поручик. И если снова приставать будете, попрошу чтоб вам и обе ноги без наркоза отпилили.

Жестокие будни войны. В свободные минуты девочки вспоминали мамочку. Она обещала приехать и работать вместе с ними, вместе с дорогими своими крошками. Вот уж ей тут не место. Сыпной тиф, всяческие неудобства. Юность, проведенная в лишениях, вынослива и неприхотлива. Сестры справлялись. Их уже обещали наградить георгиевскими крестами.

Ждали приезда Государя. Вот приедет царь и все наладится. Турки испугаются, погода улучшится, и поручик Ржевский перестанет приставать с ухаживаниями.

– Заклятые друзья поляки, понимаю. Виселицы для клятых москалей, понимаю. Но такого, такого я не понимаю. От такого я становлюсь диким зверем, становлюсь медведем. Настоящим медведем, господа. Спецмедведь был вне себя. Турки убили и зверски изуродовали пленных солдат. Его, спецмедведя, солдат. Вверенного ему Государем Императором полка. Ведь еще одно такое сражение и придется одному воевать, всех солдат перебьют. Куда ты дел моих воинов, спецмедведь?! Спросит Государь. Что я ему отвечу?

Плохой из нашего спецмедведя получался генерал. Надо сказать, вполне типичный для царской армии. Там каждый второй был плохой, в отличие от нашей армии, где плохой уже не каждый второй.

Черняев боролся до конца. Но конец уже близок, вот-вот турки возьмут Белград, вырежут оставшихся сербов, немного, но еще остались. Вырежут оставшихся, и можно ехать по домам. Защитили братьев славян.

Акулина Порфирьевна! Срочно вмешайся, заступись и разрули ситуацию. Твоя мощь нужна нашему воинству. На чудо одна надежда.

Акулина опять сидела на завалинке. Акулин опять обсуждает с лешим актуальные проблемы. Но близок, близок момент истины, вот-вот припрутся Ксюшка со своим благоверным и: Помогай бабушка Акулина!!! На тебя вся надежда бабушка Акулина.

Как будто я добрая волшебница, сроду я не была доброй. Злыдней родилась, злыдней скоро и помру.

Приходилось наступать на горло собственной песне, спешить делать это самое, чтоб его черти взяли. Добро, сами понимаете.

Мы уже геройски сражаемся, сколько? Раз два три месяца. Черняев у нас самый храбрый. Сколько рук и ног уже отпилили. Неужели все даром?! Неужели не победим. Офицеры говорят, что не победим. Корпия кончается, йод у меня скоро кончится!!! Таня, а что мы будем делать, когда турки нас захватят в плен? Что дура? Сама ты дура. Ничего не надо будет делать. Турки все сами сделают. Вот я и говорю. Хуже Кабыздоха-Охтинского, правда, Тань?

В горах холодно. В горах голодно. И правда, все кончается, лекарства, патроны, оружие. Стольких убили. А турки все насаждают.

Неужели мы плохо воюем?

И вот он, момент истины, все сербы убежали, все русские убиты. Историки назовут это сражением у Джуниса, а для Танечки и Олечки это сплошные неприятности. Их почему-то не успели убить, и они вынуждены спастись бегством. Башибузуки их заметили, башибузуки не отпустят такую добычу.

Бежим Олька, бежим Танька. Брось ты это ружье, все равно патронов нет. Они нам носы и уши отрежут и еще кое-что. Они заживо в землю закапывают. Не догоните!

– Рус Шайтан. Шайтан баба. Стой, хуже будет. Стой, мы с тобой хорошие будем. Гассан, бросай аркан, отсекай их, к обрыву побежали. Сначала у нас погостите, потом с обрыва прыгайте. Что мы с ними сделаем. Абдулла, лови. А, опять увернулась. Нет, всю ночь за ними гоняться?

Давно ушли остатки русских отрядов, бросили глупых девчонок. Погоня устала, погоня отстала.

Глава 3. Пленницы гарема

Не любят нас сербы. Мы к ним с добром, а они говорят, лучше турки. Чем турки лучше? Мы самые лучшие, мы их спасаем. Спасайся кто может!!!

О сербская земля, уже за холмом еси. Драпать так драпать.

Темной ночью по горам ехали два всадника, два убеленных сединой старца. Ехали и разговор вели.

– Конечно Федор Кузьмич. Они тут богато, они сыто живут. Туркам сушие пустыки дани платят. Заботы не знают. Зачем им свобода.

– Свобода Иван Северьянович есть осознанная необходимость. Необходимо их заставить. Чтоб осознали, чтоб деться некуда было. Вот хорошо теперь башибузуки за них взяли. Сознания им прибавят.

– Жалко все же, Федор Кузьмич.

– Нет в вас государственной жилки Иван Северьяныч. Всем жалко. У пчелки жалко. У России историческая задача, Иван Северьяныч, а вам жалко. Проливы, проливы нужны нам, Иван Северьяныч. Крест православный над Константинополем. Как будто вы и не монах, Иван Северьяныч. Шучу, шучу, Иван Северьяныч.

Так в осенней ночи беседовали два исторических персонажа. Дремлет в Петропавловском соборе бабка Екатерина. Перевернулся на другой бок в постели писатель Лесков, я такого бреда не писал. Куда тебя понесло, Северьяныч?!

Ночь. Девочки наши заблудились и голодны как волки. И никто не приютит, не обогреет. Все боятся турецких властей. Генерал Неубей Семишкурный! Хоть ты вмешайся, помоги своим падчерицам, пропадут бедняжки.

И изронил Александр слово златое, аж прослезился.

Не можете турки Сербию больше обижать. А не то будет вам как тады.

А на границе у него 200 тысяч воинства. А державы смотрят, ухмыляются. Что, дескать, будет?

Что султану делать, ничего не поделаешь. Живи пока Сербия. Абдул-Хамид расстроился, но пока не хамит.

Рекламная пауза.

– Таня, а если они нас поймают, нас в мусульманский гарем отошлют?

– Смотря, кто поймает. Если башибузуки, сразу на месте употребят. А потом, сама понимаешь.

– Не хочется, Тань. Противно очень. Они все такие толстые.

– А мне и тощие башибузуки не нравятся.

Что там светится на горе? Ах, если б там наши.

– Какие тебе тут наши. Тут одни сербы.

– Пойдем, Тань?

– Пойдем. Пропадать так сытыми.

И их кормили мамалыгой и кукурузными лепешками. И они слопали «месо за скара». Котел с чорбой вычерпали до донышка. Обпились каймака, аж животы стали побаливать. А добрая хозяйка все обещала им пахлавы и других удовольствий.

– Вас, русских, нам бог прислал. Не будь вас, вырезали бы нас всех турки. А вы пришли, турки стали вас резать, мы и вздохнули немного. Кушайте девочки, кушайте. Еще пахлавы кушайте, не торопитесь. Немного осталось.

– Чего немного осталось, тетенька?

– Подождать деточки немного осталось... Имею в виду пирог поспеет. Вы какой больше любите, соленый или сладкий?

– Мы любой, тетенька, любим. Нам бы поспать сейчас.

– Успеете, отоспитесь....

В гареме у нашего мурзы спать будете!!! Держите их, господа янычары. А, вы кусаться. Руки им выкручивайте. Рты затыкайте. Волоките в повозку, везите куда надо. Мне не забудьте заплатить, без меня бы не поймали.

И такие бывали сербы, что поделаешь.

– Почтеннейший мурза! Сорок золотых лир за такой дрянной девочка. Коня можно хорошего купить.

– Ну и покупай, дорогой купец, себе коня. И езжай себе, поищи, где дешевле. Мой товар, дорогой товар. Посмотри какие глазки, как сверкают, алмазы глазки. Какие зубки, посмотри. Как кусают зубки. У тебя чуть палец не откусили. Да за них пятьдесят лир много не будет. Хорошо, три тысячи курушей давай, и будем шербет пить.

– За такой драный девчонка, кусачий девчонка тридцать лир?! А, что ты со мной делаешь? Нет, что ты мурза со мной делаешь? Ишака в доплату даешь, будем договариваться. Все равно их на чем-то везти надо.

– По рукам дорогой купец.

– Стамбул повезешь? Такие красавицы для гарема султана. Султан дорого заплатит.

– Как получится, как получится, дорогой. Может, кто и здесь хорошую цену даст.

– Тань. Мы пропали?

– Пропали Оля.

Их мыли, кормили халвой, два раза побили, заставляли кусать пальцы у толстых, противных мужиков. Сопротивляться не получалось, за ними следили здоровенные черные тетки, пожилые и опытные.

– Будете хорошие девочки, говорил хозяин. Вас купит хороший человек, вас могут в гарем султана купить. Вах, какая перспектива. Стать женой султана. Ваша сын сама может стать султаном. Вас не утопят в пруду, вы будете жить в роскоши, гулять под фонтанами, пить шербет и бить вас будут исключительно розгами. Палками по пяткам мы женщин не бьем, мы гуманисты. Радоваться вам надо, девочки.

Девочки скрежетали зубами и плакали по ночам. Покупатель все еще не приходил. Жадный купец заломил такую цену, что никто не соглашался. Лучше мавританки, гречанки лучше,

а эти белесые, капризные, кусаются слишком больно. Еще откусят, сами понимаете что. За мои то деньги, чтобы мне и откусили!

– Надо их высечь, говорили опытные прислужницы. Высечем, и сразу станут ласковыми, сразу улыбаться научатся. Давайте их высечем, хозяин?

И уже назначили день. И уже нарвали в лесу розог и на ночь замочили.

Но тут пришел покупатель. Что удивительно, он не стал смотреть товар. Поглядел только в щелку, посмеялся чему-то. Противным таким голосом засмеялся.

– Хорошая умеренная цена, хозяин. Таких дрянных девчонок у вас никто не купит, хозяин. Но я люблю плохих девочек. У меня извращенные вкусы, хозяин. Я буду с ними так нежен, что они быстро поймут, со мной надо только лаской. Нет, хозяин, у меня есть своя плеть. Я проверил её на тысяче невольниц. Они целовали мне ноги, они ползали по полу, умоляя пощадить. Поощажу ли я этих шалуний? Не знаю. Еще не знаю. У них будет хороший хозяин. Прощайте, адрес моего гарема вы, конечно, знаете. Товар должен быть на месте к сегодняшней ночи. Они запомнят сегодняшнюю ночь.

Елизавета Неубей-Семишкурная, несчастная графиня, бедная моя Лиза, бьется ли у тебя сердце, предчувствуя беду? Может быть, ты уже летишь по воздуху, приближаясь к месту действия? Чудо, только чудо спасет вашу непорочность девочки. Развратное чудовище готовится заглотить свои жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.